
Вячеслав Гаврилов
Лоция непроявленного

Вячеслав Гаврилов

Лоция непроявленного

«Автор»
2026

Гаврилов В.

Лоция непроявленного / В. Гаврилов — «Автор», 2026

В мире, где путешественники привыкли покорять чужие реальности, он входит в них как гость: снимает обувь перед порогом, не трогает лишнего и знает, что девяносто процентов смысла любой культуры скрыто в глубине, как подводная часть айсберга. Однажды стрелка самодельного Компаса непроявленности замирает и ведёт его в город, которого не должно существовать. Здесь на одной улице цветут каштаны, а через канаву лежит февральский снег; здесь невозможно солгать вслух, а время измеряется весом невыполненных обещаний. Вооружившись «Лоцией смыслов» и запретным «Пробником причинности», исследователь поднимается к заброшенной обсерватории — и находит там ещё тёплый прибор предшественника с деталью, которую сам выточил лишь вчера.

© Гаврилов В., 2026
© Автор, 2026

Вячеслав Гаврилов
Лоция непроявленного

1. Завод компаса

Дождь не стучал в стекло, а ощупывал его — так слепой читает ладонью чужое лицо, не спрашивая разрешения. Мастерская стояла в сдвиге между мирами, и потому вода здесь пахла не озоном и не сырой известью, а мокрым железом и далёким морем, которого за окном не было. Исследователь сидел у верстака, поджав одну ногу под себя, и третий раз за вечер разогревал паяльник.

Он не любил слово «чинить». Чинить можно то, что сломалось. Компас же не ломался — он уклонялся, как живое существо, которому не нравится быть понятым.

Под лупой контакт выглядел безобидно: латунная лапка, отходившая от платы квантового контура. Исследователь залудил её заново, прижал пинцетом, дал остыть. Канифоль дымила сладковато, почти хвойно; горелый флюс оседал на языке привкусом детства, которого у него, возможно, никогда не было. Он отогнал эту мысль, как мошкару. Память в сдвиге — ненадёжный инструмент, хуже компаса.

Корпус прибора был старым морским, с вытертой до латуни розой ветров и стеклом, хранившим царапину в форме запятой. Внутри, под этой архаикой, дышали три контура, собранные из деталей разных эпох: катушка из проволоки, вытянутой когда-то из обмотки разбитого магнитофона; кварцевая пластина, выломанная из алтарного хронометра одной погибшей цивилизации; и кусочек «застывшего перехода» — не совсем вещества и не совсем пустоты, который он сам залил в янтарную капсулу и никому не показывал. Стрелка была сплетённой из трёх нитей: серебряной, медной и ещё одной, не имевшей названия на человеческих языках.

Он повернул ключ-барашек. Стрелка качнулась, задрожала, описала полный круг — и замерла.

Она не просто успокоилась — именно замерла. Так замирает зверь, почуявший след. Так замирает сердце перед тем, как вспомнить сон, который приказывал забыть.

— Ты уверен? — спросил Исследователь вслух.

Компас молчал, разумеется. Но исчезла та вечная микроскопическая лихорадка, с которой прибор жил все годы, как дрожит стрелка сейсмографа над дышащей планетой. Теперь она стояла мёртво, будто приколотая к точке, которой на розе ветров не существовало.

Он снял очки-лупу, протёр глаза тыльной стороной ладони — на коже остался запах флюса. Налил из термоса остывшего чая, глотнул. Чай был с дымком, густой, почти бульон: он заваривал его слишком долго, потому что боялся отвлечься в самый важный момент.

Компас указывал в непроявленность.

Так он называл это сам — за неимением слова. Направление, которого не должно быть. Тонкое место, где плотность реальности падала ниже порога, где вероятности не расходились веером, а лежали одна на другой, как мокрые листы бумаги. Это был не выход, а скорее приглашение.

Впервые стрелка вела не в ближайшую щель между мирами, а насквозь, в какую-то дальнюю, стёртую эпоху. Исследователь знал такие места по слухам, по чужим записям: их называли по-разному — «выпавшие узлы», «недописанные такты», «города, которые время забыло докрасить». Обычно его прибор туда не вёл. Обычно туда не вёл никто.

Он встал. Табурет скрипнул — этот скрип он помнил лучше, чем голоса близких людей. Прошёлся вдоль стены, где на крючках и в бархатных ложементах висели инструменты.

Лоция смыслов лежала в футляре из вываренной кожи, похожая на астролябию с чужого корабля: медные кольца, насечки, в центре — мутная пластина, подёрнутая маслянистой радугой, как бензин на воде. Она не переводила слова, а считывала суть. Исследователь провёл по

ней пальцем, и пластина отозвалась особым теплом, какое бывает у книги, которую читали перед тобой. Лоция была голодна до нового мира, но он не давал ей кормиться без нужды: слишком многое она записывала навсегда, а он ещё не решил, имеет ли право тащить чужие смыслы в свою одинокую коллекцию.

Пробник причинности он не тронул, только взглянул. Складной камертон в чехле на поясе — компактный, тусклый, с тремя капсулами-пробоотборниками, запечатанными сургучом. Последняя проба так и не была извлечена: он помнил, как в том мире после камертона на секунду остановились все часы в радиусе трёх кварталов, и никто, кроме него, этого не заметил. Пробник менял реальность самим фактом вопроса. Это был инструмент последней надежды, и сегодня — он чувствовал кожей — день был не последний.

Дождь усилился. Теперь он уже не читал стекло, а спорил с ним.

Исследователь достал из сундука переходную сумку: парусина, пропитанная воском, потёртые ремни. Начал собираться — медленно, ритуально, как собираются в дорогу, из которой можно не вернуться, но нельзя вернуться прежним.

Он не брал с собой оружия. Брал вещи, которые не стыдно потерять и жалко оставить: фонарь на ручной динамо-машине, моток медной проволоки, паяльник-малютку с баночкой флюса, запасные линзы, кусок вощёной бумаги для заметок, карандаш с серебряным наконечником, три плитки сухого чая, соль в деревянной солонке с выжженной на дне буквой «П» — он не помнил, что она значила, но соль без этой солонки казалась ему пресной. Сверху положил Лоцию. Компас закрепил на груди, на старом кожаном подвесе, чтобы слышать его сердцем, а не только глазами.

Перед самым порогом он сделал то, что делал всегда и что не имело практического смысла: сел на корточки у двери, расшнуровал сапоги, снял их, поставил носками к выходу. Постоял босыми ногами на холодном полу, ощущая, как через доски проходит дыхание сдвига — само отсутствие направления, из которого предстоит выбрать верное.

— В чужой дом, — сказал он вслух, — входят, сняв обувь. Хотя бы для начала.

Он снова обулся. Затянул ремни. Положил ладонь на корпус компаса — стекло отозвалось холодом, а внутри, где билась залитая в янтарь пустота, что-то едва заметно сжалось, как зрачок на свету.

Стрелка по-прежнему стояла мёртво. Она указывала на то, чего он боялся больше всего: не на гибель, не на ловушку и не на чудовище, а на мир, где ему предстояло не понять. И именно поэтому он шагнул.

Дверь открылась вбок — как открываются страницы, которых ещё нет в книге.

За порогом исчезли и дождь, и стекло, и мастерская. Был только запах — густой, тёплый, живой, пахнущий дымом очагов и остывающим железом, мокрой шерстью и хлебом, который пекли на камнях. А под этим всем, едва уловимо, как басовая нота под мелодией, — несло снегом. Июльским снегом. Или январским летом. Исследователь ещё не знал, что именно, но уже понял: он пришёл в город, где время не шло, а весило.

Он переступил порог.

2. Город, где время весит

Переход оказался шагом сквозь страницу, которую кто-то перевернул за миг до того, как она успела стать твёрдой. Тело прошло, а нутро на долю удара сердца отстало — и догнало уже по ту сторону, с коротким привкусом меди на нёбе, какой бывает, если задеть языком батарейку.

Первым его встретила неровность под подошвой.

Брусчатка была живой, тёплой, как кожа спящего. Между камнями пробивалась трава — пепельно-сизая, с ломкими стеблями, будто росла из золы и никак не могла решить, весна

сейчас или поздняя осень. Исследователь присел, коснулся её. Трава не ответила — просто была.

Он поднял голову.

Город лежал перед ним уступами, как старый театр, построенный на склоне безъязыкой горы. Крыши из серого сланца и рыжей черепицы перемежались внакладку, без единой прямой улицы — дома громоздились друг на друга, как книги на полке слишком жадного читателя. Узкие проходы ныряли под арки, лестницы поднимались и тут же падали вниз, и по всему этому лабиринту, не подчиняясь перспективе, текли два одновременных воздуха.

Слева от него пахло летом: пылью, тополиным пухом, нагретой штукатуркой и сладким гниением фруктов, упавших в канаву. Справа — зимой: мокрым углём, остывшим железом перил, сухим снегом, которого ещё не было видно.

Он медленно повернул голову.

На левой улице цвели каштаны. Белые свечи соцветий тяжело клонились над тротуаром, и женщина в сером платке поливала из медной лейки порог, хотя мостовая и без того блестела от влаги. На правой улице, в двадцати шагах, карнизы держали тонкие сосульки, а мальчишка в овчинном полушубке катил по припорошённой мостовой обруч, и изо рта у него шёл пар.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.